

Страничка SONNUT >>

В ГОСТЯХ У ГОСТЯ. Пока «Нобелевку» получили последователи...

**Наш земляк,
действительный
член Академии наук
Молдовы Исаак
Борисович
Берсукер, вот уже
более десяти лет
живет в США,
преподает и
занимается
исследовательской
деятельностью в
Техасском
университете,
находящемся в**

**Остине, столице штата. Именно сюда ему
то и дело поступают приглашения из
разных стран: прочесть цикл лекций в том
или ином вузе, принять участие в
международном научном форуме или в
торжественной церемонии вручения ему,
Берсукеру, престижной награды.**

**Подобные приглашения теперь все чаще
приходят и из столицы Молдовы, что для
него особенно значимо. Ведь это город,
где он родился, где в послевоенные годы
ступил на научную стезю, в конце 50-х
создал в Молдавском филиале АН СССР
лабораторию (затем преобразованную в
отдел) квантовой химии, основав новую
научную школу квантовой химии и
химической физики. Осуществлявшиеся
здесь результативные исследования, и в
особенности сделанное Берсукером
открытие (о котором пойдет речь ниже),
принесли ученому и возглавляемому им
коллективу известность не только в отчем
краю, но и далеко за его пределами. В
1979 году Исаак Борисович стал**

лауреатом
Государстве
нной
премии
республики
, а через 10
лет был
избран
действител
ьным
членом АН
РМ. В
дальнейше

м ему были присвоены почетные звания
«Наиболее уважаемый деятель науки
десятилетия» и «Человек года»
(присуждаемое Международным
биографическим институтом в
Кембридже).

Во время своего предыдущего
пребывания в Кишиневе Берсукер
получил из рук Президента РМ Владимира
Воронина одну из высших наград
независимой Молдовы – «Ordinul de
opoage» - за свои научные достижения и
весомую лепту, внесенную в упрочение
молдо-американского научного
сотрудничества, и в ходе беседы с главой
государства высказал свои соображения о
пути улучшения дел в молдавской науке.
Совсем недавно Исаак Борисович вновь
прилетел в родной город – для участия в
международной конференции по
экологической химии. И доклад,
зачитанный им на пленарном заседании,
и присуждение ученому медали – за
вклад в развитие этой отрасли научного
знания – здесь никого не оставили
равнодушным.

Тогда нам «перехватить» гостя не
удалось: ему необходимо было срочно
отправляться в Израиль – для чтения
лекций в Иерусалимском и Беэршевском
университетах (где, к слову сказать, он
получил еще одну заслуженную награду –
медаль им. Д.Бен-Гуриона). И только
сейчас, когда ученый на короткий срок
вернулся в Кишинев – для участия в
приуроченной к 100-летию со дня
рождения А.В.Аблова международной
конференции по координативной химии, а
также для выступления, по просьбе
руководства АН РМ, перед местными
учеными с до-кладом об особенностях
развития фундаментальных исследований
по физике и химии в Молдове, -
И.Б.Берсукер выкроил время, чтобы дать

нам эксклюзивное интервью.

- Исаак Борисович, мне не раз доводилось слышать то ли легенду, то ли анекдот о вас – в общем, забавную и одновременно грустную историю, сильно, впрочем, смахивающую на правду. Зашедший в вашу лабораторию некий высокопоставленный чиновник обращается к сидящему за столом, в позе роденовского «Мыслителя», завлабу (то бишь к вам): «Что это вы тут делаете?» - «Думаю.» - «А здесь не думать надо, а работать». Хотелось бы из первых уст получить информацию: имел ли вообще место такой диалог и (если он не плод чьего-то богатого воображения) кто именно наставлял вас «на путь истинный»?

- Нечто подобное действительно припоминаю, но кто именно нас тогда посетил – по прошествии лет подзабылось. У нас, увы, всегда хватало бюрократов, не слишком обремененных интеллектом, но тем не менее считавших своим долгом и правом вторгаться в те сферы (наука, культура, экономика etc), в которых они ни бельмеса не смыслили, и давать «ЦэУ» специалистам. Упомянутый случай – весьма типичен, хотя, на первый взгляд, и кажется анекдотичным.

- Теперь, если можно, несколько слов о другом – едва ли известном, к сожалению, большинству наших земляков – ярком эпизоде вашей биографии: письме на имя короля Норвегии Харольда V с протестом по поводу присуждения Ясиру Арафату Нобелевской премии мира.

- Это решение Нобелевского комитета – вольно или невольно обрядившего в тогу борца за мир террориста, ярого врага евреев, идейного вдохновителя юдофобских выступлений и организатора множества террористических акций в Израиле и за его пределами, - вызвало шок не только у наших соплеменников. Я в то время находился в Мексике: руководство столичного университета пригласило меня для чтения лекций студентам этого вуза. Там я встретился с давним московским знакомым – профессором Ильей Капланом. Во время нашей беседы и возникла идея – написать письмо королю Норвегии. И хотя мы не уповали на какую-либо реакцию со стороны монарха и даже на то, что наше послание вообще попадет к адресату, оно было подготовлено и отправлено в норвежское посольство (а копии – некоторым известным деятелям науки, культуры и в ряд общественных организаций). В письме, в частности, говорилось о том, что

до недавних пор среди лауреатов Нобелевской премии не было ни одного, чье награждение могло бы вызвать сожаление и тем более негодование. Более чем спорный выбор Нобелевского комитета дал такие поводы. Далее подробно излагалась наша позиция, аргументы и факты, явствующие об ошибочности принятого комитетом решения; там же констатировалось, что наличие имени Ясира Арафата в общем перечне лауреатов премии - её обесценивает, и предлагалось это недостаточно продуманное решение пересмотреть.

Можно представить моё удивление, когда уже вскоре позвонил норвежский журналист и осведомился, действительно ли мне принадлежит текст письма, который ему передало посольство. Получив от меня утвердительный ответ, он попросил дать интервью для своей газеты. Через пару дней оно было опубликовано. Хотя лидера палестинских террористов премии не лишили (так как подобное не предусмотрено её уставом), но письмо и интервью – как затем довелось убедиться – всё же возымели действие. В перечне приглашенных на состоявшуюся через некоторое время встречу Нобелевских лауреатов лишь имя Арафата не значилось. И поделом!

- В отличие от этой – морально-политической – победы над лидером террористов, о ваших научных достижениях многие наши земляки куда более наслышаны. Однако, уверен, суть даже самого масштабного из них – открытия «явления туннельных расщеплений уровней энергий многоатомной системы в состоянии электронного вырождения» - способны понять лишь специалисты. Но и мне, полному профану в данной сфере, интересно было бы хоть «в первом приближении» представить себе, о чем идет речь.

- Что ж, попытаюсь пояснить более просто. Суть открытия – в выявлении и предсказании некоторых новых видов движения на молекулярном уровне, которое влияет практически на все свойства вещества. Эффект Яна - Теллера, включающий мое открытие, лег в основу идей, которые привели к одному из важнейших открытий наших дней – высокотемпературной сверхпроводимости. Получившие за это Нобелевскую премию К.А.Мюллер и Й.Г.Беднорц в своей Нобелевской лекции и в ряде публикаций, как и подобает настоящим ученым, не преминули подчеркнуть значимость тех источников, которые позволили будущим лауреатам

совершить собственное открытие.

- Если вы не против, мы с покоренных вами заоблачных вершин мысленно вернемся туда, где начиналось это восхождение, к истокам вашей биографии.

- Я родился 12 февраля 1928 года в простой, небогатой еврейской семье. Возможно, мне «светило» пойти по отцовской стезе – стать столяром. В детские годы (когда мы еще жили на ул. Вознесенской – ныне это ул. Гр. Уреке) нравилось наблюдать, как под руками отца доски постепенно превращаются в удобную и красивую мебель. Этим ремеслом он продолжал заниматься и после нашего вынужденного переезда на новое место жительства – по ул. Кагульской (прежняя квартира в результате землетрясения превратилась в аварийную). Вместе с матерью-домохозяйкой мы порой ему помогали.

В общем, стал бы и я мастеровым, но судьба распорядилась по-иному. Грянула война. Эвакуация в Азербайджан. Мобилизация отца на трудфронт. Наши невзгоды, лишения – как у большинства других людей.

...После войны казалось, что все трудности позади, что теперь всего можно добиться. Я постарался наверстать упущенное: за два года одолел курс средней школы, а затем поступил в Кишиневский университет. Учился с увлечением, окончил вуз в 52-м, круглым отличником. Но в то время как раз грянула очередная антисемитская кампания – пресловутое «дело врачей», и мне, «краснодипломнику», но с «пятой графой», работу не предоставляли, а жену Лилию, окончившую тот же факультет годом ранее, отправили по распределению в Воронеж.

Впрочем, предвзятое отношение к себе ощутить довелось и иным образом. Меня вызвал «наш» гэбист, обозвал «дезертиром», пытался спровоцировать, грозил, что меня куда-то сошлет. Но этот, как сейчас выражаются, «наезд» я выдержал. Сходил в военкомат, выяснил, что там ко мне никаких претензий не имеют; ну а вскоре, в 1953-м, гэбистам стало не до меня.

- Выходит, конец Сталинской эпохи оказался и для вас началом новой?

- Да, так уж совпало. В 53-м я устроился в Сорокский учительский институт, но его расформировали – и нас перевели в Бельцы. В

середине 50-х написал кандидатскую, показал её в Ленинградском университете – и тут же был приглашен в годичную аспирантуру. В 59-м в Молдавском филиале Академии наук СССР мною была создана группа (затем – лаборатория, отдел) квантовой химии, где начинали свой путь в большую науку многие мои – и уже имевшие определенный опыт, и тогда еще совсем юные – коллеги: С.Борщ, Б.Вехтер, М.Каплан, А.Музалевский, И.Огурцов (нынешний руководитель отдела), В.Полингер, М.Рафалович, С.Ставров, Б.Цукерблат, Л.Чиботару и др.

Результаты проводившихся нами исследований получали должный резонанс в научной среде – как в нашей стране, так и за рубежом. В частности, это касается целого ряда подготовленных мною монографий. Позволю себе добавить, что здесь же, под моим научным руководством, защитили диссертации более 50-ти человек.

К сожалению, в последние десятилетия минувшего века условия работы заметно ухудшились. Наш отдел, как, впрочем, и большинство иных подразделений АН РМ, влачил жалкое существование – и значительная часть сотрудников академии вынуждены были отправиться за рубеж, где практически все, благодаря ранее обретенным знаниям и навыкам, оказались востребованными. Из тех, с кем на протяжении десятилетий мне довелось работать бок о бок, семеро ныне трудятся в США, трое – в Израиле, есть наши «полпреды» и в Бельгии, Франции, Испании, Турции...

- Поддерживаете ли вы и ныне контакты с кем-то из этих «птенцов гнезда Исаакова»?

- Практически со всеми ныне здравствующими. Ну а когда появляется возможность – к примеру, я оказываюсь в числе организаторов или координаторов какого-либо международного научного форума, – стараюсь обеспечить участие в нём как можно большего числа «своих». Тут меня никто не заподозрит в предвзятости или лоббировании: уровень подготовки и известность каждого рекомендуемого весьма высоки. Вот и сейчас многие наши съедутся на международный симпозиум в Триест (Италия), где я являюсь одним из трех «директоров» этого форума – наряду с итальянским и чилийским коллегами.

Вообще, я уверен, живые контакты ученых, вне зависимости от того, в какой стране они проживают, а также посильная поддержка тех

коллег, которым приходится работать в более сложных условиях, - благотворно сказываются на состоянии как национальных научных школ, так и мировой науки в целом.

- Потому-то, должно быть, вы в последнее время столь активно содействуете углублению и упрочению связей между учеными США и Молдовы?

- Я считаю это своим моральным долгом и, зная о сложностях, с которыми всё еще приходится сталкиваться моим землякам, всячески способствую этому благотворному процессу. Приятно сознавать, что приложенные усилия не пропали зря и удостоились высокой оценки и руководства Молдовы, и моих местных коллег. Сравнительно недавнее создание в Молдове отделения американского фонда невоенных фундаментальных и прикладных исследований, ежегодно выделяющего 1 млн долларов на поддержку молдавских ученых и разрабатываемых ими перспективных проектов, - согласитесь, серьезная «подпитка» молдавской науки.

- Вы в свое время так и не пошли по стопам отца. А удалось ли пополнить семейную химическую «династию» Берсукеров вашим детям?

- Мой сын Геннадий работал вместе с моими - в те годы еще молодыми - коллегами; у него при подготовке диссертации научным руководителем был В.Полингер. Сын (вместе со своей женой и их двумя сыновьями - моими внуками) первым отправился в Остин, а затем туда приехали и мы с супругой. (Год назад она, увы, скончалась.) Ныне сын занимает высокое положение в одном НИИ, входящем в международный консорциум компаний, осуществляющих разработку и внедрение новых технологий в ряде сфер, в частности в электронике.

- Ну а чем в ближайшей перспективе намерен заниматься его отец?

- Я недавно завершил работу над своей 12-й книгой (если не считать иные, не чисто исследовательские работы - к примеру, опубликованный в Молдове, в соавторстве с Б.Васильевым, «Словарь по физике»). Эта новая монография - «Эффект Яна - Теллера» - будет издана в Кембридже. Сейчас вычитываю гранки, вношу необходимые уточнения в текст.

Возможно, приму полученное во время

пребывания в Израиле предложение о преподавании в создающемся в Ариэле (на базе колледжа Иудеи и Самарии) новом университете. Это отнюдь не означает прекращения или даже временного приостановления моей преподавательской и научно-исследовательской деятельности в Техасском университете. Просто новый вуз, чтобы поскорее встать на ноги и обрести должный имидж, нуждается на первых порах хотя бы во временном сотрудничестве профессоров с «громкими» именами. Впрочем, окончательного решения на сей счет я пока не принял.

Ну и, конечно же, продолжу, в меру сил, содействие своим коллегам – и живущим в Молдове, и по разным причинам оказавшимся за ее пределами. Как гражданин этой страны я кровно заинтересован, чтобы она как можно скорее преодолела последствия недавнего затяжного кризиса, и упрочение ее научного потенциала способно сыграть в этом едва ли не самую главную роль.

Беседовал Михаил ДРЕЙЗЛЕР.